

№ 83

Архив НКВД 26

59

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1. 21 марта 1921 года Главкомандующий Экспедиционной Армией в Сахалинской области, поручик-лейтенант Козина, ссылаясь на декларацию японского правительства от 3 июля 1920 года об'явил населению этой области о предполагающемся занятии Николаевска, Де-Кастри, Маго, Софийска и других пунктов, и о введении в них гражданского управления "для водворения спокойствия и порядка".

II. После ночи с 30 на 31 марта, когда вооруженные преступные контр-революционные банды выступили во Владивостоке против законной власти и Учредительного Собрания, Японское командование допустившее продолжавшееся всю ночь бесчинства преступников обездружили милицию, исполнявшую свой долг по охране личной и имущественной безопасности русских и иностранных граждан.

III. 12 апреля, по предписанию японского правительства, японское Генеральное Консульство во Владивостоке об'явило, что Начальник Военно-Административного Отдела Японского командования на Сахалине опубликовал об'явление от 19 февраля 1921 года о сдаче с торгов в аренду русским рыболовных и рыбообделочных участков, при чем местом торгов назначена канцелярия Военно-Административного Командования на Сахалине /Александровск/, в том же об'явлении указывается, что "лица желающие ознакомиться с вышеупомянутым списком, постановлениями и правилами, могут рассматривать таковые на японском языке в Консульстве.

1У. В течение последних дней во Владивосток стали прибывать свежие японские войска.

У. 19 апреля в Де-Кастри прибыл японский транспорт и высадил войска; установлено японское радио, а на русском телеграфе введена японская цензура, и запрещено сноситься с высшими русскими властями без разрешения японцев.

Ввод войск и японского гражданского самоуправления спустя свыше 9 месяцев после декларации от 3 июля 1920 года, когда мир и спокойствие ни разу не нарушались в этих местах, и никакой опасности не грозило ни немногочисленным там японским гражданам, ни их интересам, обезоружение правительственной милиции, и покровительство контр-революционным преступникам, самовольное устройство торгов на русские рыбные участки с предоставлением конкурентам, вероятно русским, рассматривать японские правила на "японском языке" в консульстве, и ввод свежих войск во Владивосток - все это в тот момент, когда Учредительное Собрание заканчивает свою работу по окончательному оформлению Молодой Дальне-Восточной Демократической Республики, не может не укрепить в умах населения мысли не только о тайных, но и явных захватных стремлениях японского правительства, на этот раз уже без всяких предлогов, вроде "угроза чехословаками, Корее, Маньчжурии" и т.п.

Если в своей декларации от 3 июля 1920 года японское правительство было искренне, и действительно считало принятые им меры временными - "до организации законного правительства", то сейчас, когда работает полномочный хозяин Русского Дальнего Востока, законная всенародная власть, этот

момент для восстановления прав Русского Народа и возвращения к нормальному положению, настал.

Решительно протестуя против всех вышеуказанных нарушений суверенных прав русского народа, Правительство Дальневосточной Республики считает себя снова вынужденным подчеркнуть, что настойчивое проведение подобной политики, в разрез со всеми торжественными декларациями и заверениями японского правительства, не может служить для укрепления дружественных отношений между народами русским и японским.

Не посягательства на верховные права русского народа, а искренним дружеским переговорам о взаимных нуждах и интересах, может быть создано то устойчивое и нормальное положение, в котором так нуждается не только население русское и японское, но и весь мир, и о стремлении к которому Японское Правительство так много раз всем заявляло.

Чита, 21 апреля 1921 года.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Б.СКВИРСКИЙ.